

Е. К. ТАРАСОВА

**Современное
немецкое
литературоведение:
традиции и
перемены***

Разнообразие и независимость литературоведческих концепций и методов, отмечаемые в последние десятилетия на Западе¹, позволяют говорить о том, что время синтеза и иерархического порядка в области гуманитарных наук прошло.

Но, прежде всего, обратимся к тому пути, который привел германскую филологию к ее сегодняшнему состоянию, и на котором сформировались особенности немецкого взгляда на литературное творчество.

Известно, что немецкое литературоведение возникло на основе немецкой философии искусства, а точнее, в результате развития философской эстетики, появившейся в Германии в XVIII в. Особая роль в формировании философии искусства принадле-

жит Ф. Шиллер, а позднее романтикам Ф. Шлегелю и Ф.-В. Шеллингу, утверждавшим исключи-

тельность и незаменимость искусства, являющегося особой формой познания истины. Шиллер определяет три главные инстанции своих теоретических рассуждений: литература как таковая; философия и наука повседневная жизнь как сфера опытного познания. Характерно, что немецкое литературоведение от своих истоков и до настоящего времени колеблется между этими тремя инстанциями. Философская же основа немецкой литературоведческой науки ошутима и по сей день, несмотря на мощное последующее влияние разнообразных формалистических тенденций. Признание самодостаточности и исключительной значимости литературного произведе-

* Данная статья написана благодаря финансовой поддержке РГНФ научно-исследовательского проекта «Русская литература второй половины XIX века в современном немецкоязычном литературоведении» (03-04-00-476а).

¹ См. отечественные и зарубежные исследования: Зарубежное литературоведение 70-х годов. Направления, тенденции, проблемы. М., 1984; Тенденции в литературоведении стран Западной Европы и Америки. М., 1981; Bogdal K.-M. (Hrsg.) Neue Literaturtheorien (Eine Einfuehrung). Wiesbaden, 1997.

дения и свойственные немецкой культуре традиции исторического мышления, образцы которого являют Гёте и Гегель, также можно отнести к особенностям немецкого взгляда на литературное творчество¹.

В XIX в. происходит формирование образованного читателя и литературного критика, а также ученого-специалиста, занимающегося чтением, оценкой прочитанного, архивацией и сохранением, историческим описанием, комментированием и интерпретацией литературы. Это приводит к образованию научно обоснованных подходов к изучению литературы и литературоведческих школ: культурно-исторической (так называемая «школа Шерера») и духовно-исторической (так называемая «школа Дильтея»). Противостояние этих школ, первая из которых характеризовалась позитивистской направленностью и интересом к общественным процессам, а для второй были свойственны обращение к индивидуальности отдельного автора, отрыв от социологии и «вчувствование» в художественный образ, а также углубление в философские основы мирозерцания писателя, и определило пути дальнейшего развития немецкоязычного литературоведения. Традиционное, академическое немецкое литературоведение, основанное на принципах этих школ, а также на уважении к биографическому методу, продолжает существовать и до наших дней.

Появление в начале XX в. в культуре модерна таких направлений как марксизм и психоанализ, оказало в целом существенное влияние на литературную критику, в результате которого произошло отрицание традиционного представления о «сущности поэтического» и особого, мистифицированного отношения к творческому процессу и смыслу произведения. Вместе с тем это не разрушило традиционную систему немецкого литературоведения, но внесло в нее разнобразие с помощью нового взгляда на ис-

торию и общество, а также на психику человека. Помимо данных влияний следует назвать также школу русских формалистов, воздействие которой на немецкоязычное литературоведение, как, впрочем, на всю западную славистику, оказалось весьма значительным.

Конец первой половины XX в. характеризуется в Германии как время пересмотра общественных и культурных ценностей (последвоенный кризис западногерманского общества). Духовно-историческая школа, скомпрометировав себя идеологическими связями с нацизмом (что выразилось в конструировании всевозможных фантастических схем развития «немецкого Духа»), с начала 70-х годов уступает место сциентистским методам. Перед литературоведением ставятся задачи модернизации и методологизации, создания существенно нового подхода к рассмотрению литературного произведения. Интуитивный взгляд критика на поэтическую сущность произведения сменяется научным исследованием последнего как объекта, то есть предпочитается научный характер литературоведческой работы. Литературоведение оказывается открыто таким общественным наукам, как социология, история, политология. Вместе с тем вырабатывается специальный систематический метаязык литературоведения, без которого оказывается невозможным рационально-научный взгляд на произведение. Кроме того, развитие общественной ситуации приводит к тому, что в начале 70-х годов в Германии происходит своего рода «культурная революция», сущность которой сводится, в общих словах, к утрате традиционных культурных ценностей. Отношение к литературе меняется: в сознании и повседневной жизни образованных слоев населения она становится объектом потребления, неким товаром в ряду других товаров, а само чтение как некая социальная привилегия теряет свою цен-

¹ См. об этом: Дранов А. В. Современное литературоведение и критика ФРГ. Итоги и перспективы. Литература капиталистических стран в оценке современной зарубежной критики. М., 1989. С. 120–161.

ность. При этом модернизация литературоведения является попыткой спасения этой ценности, стремлением по-новому взглянуть на литературное произведение. Объектом исследования становится не «литература», а «текст», а сам процесс чтения превращается в процесс расшифровки (декодирования) текстовых форм и знаковых систем. Рассмотрению каждого художественного произведения как исключительного, единичного приходит на смену интертекстуальность, то есть восприятие всей литературы в качестве единого текста, интерпретации как выяснения скрытого смысла — описание структур, правил, функций, то есть анализ. Решающая роль при анализе произведения принадлежит обозначающему (сигнификанту), а не обозначаемому, то есть смыслу, как было ранее. На месте литературы, сохраняющей и передающей культурные традиции, возникает текст, роль которого — систематизация знания. Культурная ценность литературы заменяется общественной функцией текста.

Таковы общие тенденции развития литературоведческой науки, наметившиеся в 70-е годы и приведшие к возникновению тех методов рассмотрения литературного произведения, которые имеют место в современном немецкоязычном литературоведении и которые во многом определили особенности восприятия русской литературы XIX в. в Германии и других немецкоязычных странах.

В книге *«Изучение литературы сегодня»* (Берлин, 1999), которая является сборником статей, написанных сотрудниками Берлинского Центра изучения литературы, а также его зарубежными коллегами¹, современные немецкие ученые подвели своего рода итоги процесса преобразования литературоведения как научной дисциплины, начало которому было положено в 70-е годы XX века. Цель этой книги, как пишет в своем вступлении ее составитель Э. Гёбель, — «проложить просеку в чаще современного литературоведческого понятийного аппарата». По мнению большинства современных ученых, при-

нявших участие в данном сборнике, филология, и в частности литературоведение, приобрели в наше время совершенно новые функции и задачи. Литературоведение определяется как «раздел в проекте обновленной гуманитарной науки» (Э. Гёбель), «критическая пропедевтика отношений между наукой и литературой» (В. Мальте Фюс), «дисциплина, занимающаяся археологическим предметом», «орхидейная наука» (Б. Доцлер), «теория информации» (В. Эрнст). Как пишут немецкие специалисты, литературоведение стало междисциплинарной ведущей наукой, как бы общим форумом интеллектуального обмена. От литературоведа требуется в первую очередь высокий интеллектуальный уровень, а такие традиционные для изучения литературы качества, как чутье литературного стиля и хороший вкус, оттеснены на периферию (Немецкий славист Р. Грюбель в своей статье о Достоевском (1996) замечает, что литература понимается сегодня все больше как нечто свободное от вымысла, как анти-вымысел, анти-фикция, в то время как реальная действительность приобретает характер фиктивности, мнимости).

О литературоведении говорят сегодня как об «интегральной» науке, которая «диалогична» и выходит за рамки своего предмета. В частности, в изучении литературного произведения используются наука о коммуникативных средствах (*Medienwissenschaft*), системная теория, психоанализ и т. д. Триада «Автор — произведение — читатель», являвшаяся некогда специфическим предметом литературных исследований, поставлена в более широкие рамки «внутрикультурного» (*kulturell*) коммуникативного процесса. По словам К. Штедке, в результате быстро меняющихся коммуникативных условий литературная коммуникация, похоже, окончательно потеряла свой авторитет, который был бесспорным вплоть до начала XX столетия. Теперь речь идет о «конце литературы», о смерти автора. Однако, как указывает К. Штедке, тезис о смерти автора сигнали-

¹ *Literaturforschung heute* / E. Goebel, W. Klein, Hrsg. Berlin, 1999.

зирует, скорее, о трансформации авторского дискурса, которая приводит нас к новому пониманию индивидуального авторства и к новому «образу» автора¹.

В сборнике особо подчеркивается влияние на литературоведение со стороны средств массовой информации. «Существование различных способов восприятия свидетельствует о том, что современная культура характеризуется многими, конкурирующими между собой, коммуникативными средствами. ... Литература среди них превратилась в обычное средство массовой информации» (И. Мюнц-Кёнен)². Кроме того, немецкие ученые указывают на необходимую связь современного литературоведения с социологией, философией, даже этнографией (в связи с глобальными миграциями и модернизациями, которые приводят к двусторонним переводам текста и интеркоммуникативным трансляциям).

В книге проводится анализ современной эстетической мысли и новых направлений в изучении литературного произведения. В частности, указывается, что на смену восприятия культуры как текста (структурализм, деконструктивизм, семиотика) приходит понятие «культура как перформанс» (Э. Фишер-Лихте). Это означает повышенный интерес к функциям изготовления, производства, выработки, а также к действиям, процессам обмена, изменениям и динамикам, организующим соответствующих действующих лиц и их предметную обстановку, а также соответствующие внутрикультурные (kulturell) события. Как пишет Э. Гёбель, на смену форсированному анализу текстов пришла «страсть к телесности, каналам и культурам. «Гидра эмпирии» (Гёте) подняла свою голову»³.

По мнению немецких теоретиков, эстетика перформанса будет выработана лишь в слу-

чае, если театроведение, музыковедение, литературоведение, история искусств и философская эстетика будут тесно сотрудничать друг с другом. «Учитывая особенности современного искусства, этой эстетике будет принадлежать большое объяснительное значение» (Э. Фишер-Лихте)⁴.

Характеристика современного состояния немецкой гуманитарной науки содержится также в сборнике «Литературный канон — Коммуникативное событие — Культурный текст. Формы интеркультуральной коммуникации и перевода» (Изд. А. Полтерманн)⁵. По мнению авторов сборника, в Германии создается особая ситуация столкновения традиционного для гуманитарной науки исторического подхода с современными коммуникативными теориями. А. Полтерманн объясняет истоки этого противоречия в протестантской модели, которая якобы призвана посредничать между неуклонными требованиями приближения к народу и профанации культуры (путем свободного информационного потока через слово, письмо и изображение) и опытными данными традиции. (Примером может служить переводческая деятельность немецких романтиков, которые с помощью инноваций книжной культуры хотели канонизировать забытые традиции по модели священных текстов).

Таким образом, в общей картине немецкоязычного литературоведения сегодня преобладают две тенденции:

1) интерес и тяготение к современным, приходящим, как правило, из США и Франции новейшим направлениям (таким, например, как структурный психоанализ и постструктуралистские концепции);

2) критическое отношение к современному преобразованию литературоведения в междисциплинарную гуманитарную нау-

¹ Literaturforschung heute / E. Goebel, W. Klein, Hrsg. Berlin, 1999. S. 28.

² Ibid. S. 119.

³ Ibid. S. XIII.

⁴ Ibid. S. 228.

⁵ Literaturkanon — Medienereignis — Kultureller Text. Formen interkultureller Kommunikation und Uebersetzung / Hrsg. von A. Poltermann. Berlin, 1995.

ку и акцентирование традиционно немецкого исторического опыта в филологической науке.

Очевидно, что между этих двух полюсов и будет формироваться поле деятельности немецкоязычных славистов. В последние годы в печати возникла своего рода дискуссия по поводу кризиса в немецкой славистике (наиболее примечательны публикации Р. Лауэра, Н. Франца, К. Зееманна, Х. Гюнтера)¹. Свообразный итог размышлениям на эту тему подводит В. Кошмаль в своей программной статье «Литературоведение (славистика) между самоопределением и определением извне»². Исследователь указывает на то, что в 60-е и 70-е годы слависты концентрировались на «формально-эстетических» вопросах и на первый план выдвигалось «методологическое сознание»; литературоведение приближалось к лингвистике. В конце 80-х и в 90-е годы «акцент переместился с методологически-содержательной на «прагматическую» точку зрения». Это означает, что славистика подчиняется «экономическому образу мышления», и гуманитарные темы рассматриваются с экономических позиций. Причину этого В. Кошмаль видит в том, что современная наука сосредоточена не на конкретной специальности, а на культурологическом решении научных проблем. Этому способствует и распространение средств массовой информации, которые отодвигают язык и литературу в тень. Исследователи вынуждены делать акцент не на литературоведческих, а на культурологических вопросах. Возникает мета-наука, так как культурология, по мнению В. Кошмаля, это скорее понятие, составленное из ряда специальных дисциплин, одной из которых является славистика. Современные ли-

тературоведы обращаются преимущественно к второстепенным, — даже банальным — детальным проблемам, следствием чего является «распыление предмета», что делает невозможным внутродисциплинарный научный диалог. В результате возникают «клонированные» научные фрагменты находящихся в изоляции исследователей.

В. Кошмаль обращает внимание читателей еще на одну важную проблему современной немецкой славистики: проблему иностранного слова. «В начале филологии как науки было слово, и в ее конце будет, наверное, образ. Но тогда уже больше не будет филологии»³. Славистика без иностранного (т. е. славянского) слова как основы науки может превратиться, по словам исследователя, в «славяноведение», но не в славянскую филологию.

В то же время немецкий славист пишет и о положительной стороне междисциплинарной открытости славистики. Содержательные и методологические аспекты внутри дисциплины значительно расширились благодаря внедрению политических, общественных и технических вопросов, что требует от литературоведов дополнительной компетентности в новых технологиях (перформанс, театр, Multimedia, «Medien Slavistik»).

Таким образом, по мнению В. Кошмаля, современная славистика разрывается между двумя полюсами: с одной стороны, она тянется к «внеэстетическому знаку» и стремится к эффективности и полезности литературоведческого анализа, а с другой стороны, выдвигает на первый план признание эстетического приоритета. Многочисленные жалобы на современную ситуацию в литературоведении В. Кошмаль называет «постмодернистским пессимизмом в культуре, ко-

¹ Lauer R. // FAZ, 14/7/1993 und 8/3/1995; Franz N. Einführung in das Studium der slavischen Philologie. Darmstadt, 1994; Seemann K. D. Zu Entwicklung und Stand der slavischen Sprach- und Literaturwissenschaft // Prinz W., Weingart P. (Hrsg.). Die sogenannten Geisteswissenschaften: Innenansichten. Fr. a. M., 1990. S. 259–271; Guenther H. Zur Entwicklung der slavistischen Literaturwissenschaft nach 1945 // Ibid. S. 272–276.

² Koschmal W. (Slavische) Literaturwissenschaft zwischen Selbst- und Fremdbestimmung // Zeitschrift fuer Slavische Philologie. 58-1-1999. S. 1–18.

³ Ibid. S. 8.

торый выдает себя за научный пессимизм, ... и приводит в конце концов в тупик»¹. Выход из кризиса дисциплины видится исследователю в создании новаторских форм исследования, в новом научном качестве литературоведения. Для этого необходим анализ соответствующих методов для культурологического расширения, причем точкой отсчета должен являться «эстетический знак», подвергающийся сегодня обесцениванию («девальвации»). В центр методологического анализа должны быть поставлены новые характеристики слова, прежде всего его новая устность, но также и его «прагматическая синтактика», отношения «слово — образ».

Статья В. Кошмале помогает взглянуть на современную немецкую славистику изнутри, понять итоги и перспективы развития немецкой литературоведческой науки. Поэтому вполне уместно будет завершить наш обзор словами этого исследователя: «Только взгляд на оба варианта литературоведческих формаций (т. е. прогрессивный — культурологический и консервативный — сосредоточенный на сугубо филологических вопросах. — *Е. Т.*), повторяющиеся друг за другом в ходе истории, позволяет соответствующим образом понять внутреннюю полярность литературоведения, которая реализует себя в истории как диалектическое чередование»².

---

¹ Ibid. S. 16.

² Ibid. S. 18.